

Глава 44. Новый год

Чжэн Циньинь протянул руку и осторожно стряхнул остатки снежинок с волос Юй Ланьи.

— Циньинь, скоро Новый год. Я еще никогда сам не выбирал праздничные товары. Давай сходим за покупками вместе с Гэ'эр Линем?

Юноша с готовностью кивнул.

В это время в своих покоях Чжэн Шаньчэн и Гэ'эр Линь грелись у огня. После лекарств, выписанных доктором Суном, старшему брату стало куда лучше. По ночам ноги теперь согревались, и не было того пронизывающего холода в костях, от которого раньше не спасали даже самые толстые ватные одеяла.

Старший брат заметно приободрился, и Линь, глядя на него, не мог нарадоваться. Аккуратно развешивая одежду в шкафу, он заметил:

— Мы здесь уже не первый день, пора бы и делом заняться. Второй брат говорил, что подыщет тебе непыльную работу. Дождись его и расспроси как следует.

Шаньчэн и сам об этом подумывал. Если сидеть дома без дела, так и кости разлениться могут. Люди их склада к праздности не привыкли: в сезон — на поле, зимой — либо дрова в город на продажу, либо в подмастерья, лишь бы принести в семью пару лишних монет. Сидеть сложа руки, когда другие трудятся, казалось ему делом зазорным.

— Как Шаньцы вернется, я сразу поговорю с ним, — пообещал он.

Вскоре супруги вышли из комнаты и в коридоре столкнулись с Юй Ланьи и Чжэн Циньинем. Линь отметил про себя, что младший брат после переезда в уезд Синьфэн прямо-таки расцвел. Дома у него вечно не было аппетита — и к мясу не прикасался, и овощи не жаловал. А здесь, видать, и воздух другой, и повар мастеровитый — юноша стал есть куда охотнее.

Да и нрав его стал мягче, веселее, что не могло не радовать Линя.

— Старший брат, Гэ'эр Линь! — поприветствовал их Ланьи.

Шаньчэн отозвался сдержанно, но тепло. В душе он уже окончательно признал супруга брата своим и перестал видеть в нем того грозного отпрыска знатного дома, перед которым полагалось трепетать.

Приближение праздника чувствовалось во всем: на улицах зажигались фонари, дома украшались яркими лентами. Возвращаясь домой, Чжэн Шаньцы заметил книжную лавку, где торговали новогодними парными надписями. Он остановился присмотреться — почерк был отменный. За прилавком стоял молодой книжник.

— Почем чуньянь? — поинтересовался чиновник.

— По десять вэней за пару, господин, — ответил тот.

Шаньцы выбрал одну пару — покрасивее, чтобы наклеить на главные ворота поместья для привлечения удачи и радости.

Только он собрался уходить, как в толпе раздались возгласы:

— Генерал Юй вернулся с границы! В столицу путь держат!

Люди спешно расступались, давая дорогу всадникам. Во главе отряда ехал немолодой уже военачальник лет сорока на вид, суровый и статный. За ним следовали двое юных офицеров и полсотни конных гвардейцев. В середине строя катились две крытые повозки — должно быть, с домочадцами.

Стражники ямэня, дежурившие на улице, изо всех сил старались удержать порядок, чтобы никто из зевак не угодил под копыта.

Генерал со своими людьми свернул к почтовой станции, не поднимая лишнего шума. Горожане, привыкшие к подобным зрелищам, вскоре вернулись к своим делам, и улица вновь зашумела.

Чжэн Шаньцы проводил взглядом следы подков на снегу, и на сердце у него стало беспокойно.

«Родня Ланьи здесь... Пожалуй, ему и впрямь стоит вернуться в столицу на праздник. Под защитой дяди путь будет безопасным, никакие разбойники не страшны»

— Ван Фу, что это за генерал? — спросил он.

— Это Второй господин Юй, родной дядя нашего молодого господина, — пояснил слуга. — Он почти круглый год на границе, в столицу заглядывает только на Новый год. Второй господин — единоутробный брат господина хоу. А те двое юношей за ним — его сыновья, двоюродные братья нашего хозяина. Всего у Второго господина трое сыновей, младший служит в столице. Старший женат на Гэ'эр Цуй из клана Цуй из Цинхэ, а второй — на Гэ'эр Вэй из Хэдуна. Их семьи дружны поколениями, так что браки эти были делом предрешенным.

Шаньцы слушал названия именитых кланов, и внутри у него все невольно сжалось. Лишь теперь он в полной мере осознал мощь и влияние дома Чанян. Он нечасто бывал в поместье тестя и не знал всей многочисленной родни, но теперь понимал: там, в столице, переплетены интересы десятков влиятельнейших семей. От одних только имен голова могла пойти кругом.

«Юй Эр-е наверняка решит передохнуть. Навещу его вместе с Ланьи после полудня»

Переродившись в этом мире, молодой человек думал, что проживет жизнь обычного обывателя, а в итоге оказался крепко связан с высшей аристократией Великой Янь. От этой мысли на губах его заиграла невольная усмешка.

Дома он застал Ланьи в саду: тот сидел на корточках и увлеченно лепил снежки. Услышав шаги, супруг вскинул голову, и глаза его радостно блеснули. Недолго думая, он запустил снежком в мужа.

Шаньцы ловко уклонился.

— Мы же вроде снеговика собирались лепить? — напомнил он с улыбкой.

— Да скучно стало ждать, — Ланьи весело встряхнул руками, стряхивая снег. — Решил пока снежками покидаться.

Рядом Циньинь аккуратно лепил маленького кролика. Он нашел под гранатовым деревом несколько сухих листьев и смастерил из них глазки и носик для своего зверька.

Шаньцы подошел поближе и легонько погладил снежного кролика по голове.

— Поиграли — и будет, — мягко проговорил он. — Идите греться к огню, не ровен час, руки обморозите.

— Хорошо, второй брат, — отозвался Циньинь. Кончик его носа от холода стал совсем красным.

Гэ'эр Линь, слепив пару снежков, тоже не выдержал стужи и поспешил в дом.

Шаньцы негромко обратился к супругу:

— Ланьи, мне нужно кое-что сказать тебе.

Они прошли в главный зал, где Цзинь Юнь тут же подал хозяину теплую грелку.

— Генерал Юй прибыл с границы. Должно быть, он направляется в столицу на праздники. Я подумал... может, тебе стоит поехать с ним? Под его защитой дорога будет безопасной, а после Нового года вернешься обратно.

Ланьи поначалу обрадовался вести о приезде дяди, но стоило ему дослушать, как в душе закипела обида.

— Так тебе не терпится от меня избавиться? — вспыхнул он. — Что ж, уеду и больше не вернусь!

— Глупости. Я просто боюсь, что ты тоскуешь по дому. Если не хочешь — оставайся, встретим Новый год вместе.

Этот сухой, деловой тон Шаньцы окончательно вывел Ланьи из себя. Он смерил мужа яростным взглядом и, стиснув зубы, ушел к себе. Шаньцы, почувствовав, что сморозил лишнего, поспешил следом.

— Я-то как раз хочу, чтобы ты был рядом, — заговорил он, входя в комнату. — Но и о твоих чувствах пекусь. Семейно-то повидать хочется.

— Хочется, — буркнул Ланьи, — да только одному тащиться в такую даль не в радость. Пять месяцев в дороге... В следующем году поеду, а в этом — не хочу.

Ему и впрямь надоело вечно быть в пути. К тому же, это их первый совместный праздник, и Ланьи хотел провести его с мужем. От избытка чувств он запустил в Шаньцы подушкой.

Шаньцы поймал ее и присел рядом.

— И в мыслях не было тебя прогонять. Если останешься — на сердце у меня станет только светлее. Дядя твой сейчас отдыхает, наведаемся к нему после полудня.

— Он и твой дядя тоже, — Ланьи чуть смягчился, но всё же добавил: — А теперь пойдём снеговика лепить. Как обещал.

Вскоре во дворе красовались два снежных человечка. Ланьи, хитро прищурившись, поставил ногу одного снеговика на ногу другому — точь-в-точь как любил делать сам.

На почтовой станции Юй Эр-е и его людей уже ждал горячий обед и чистая вода.

— Сначала умойтесь, потом к столу, — распорядился генерал.

Когда с едой было покончено, госпожа Юй заметила:

— Помнится, брат писал, что Ланьи сейчас как раз в уезде Синьфэн.

Второй господин Юй задумчиво кивнул:

— Пусть Юй Чжэн и Юй Юй позже сходят проведать его.

Генерал, вспомнив, что его племянник вышел за безродного цзиньши, недовольно нахмурился:

— Совсем брат рассудок потерял. Неужто нельзя было Ланьи в доме оставить, зятя примаком взять? Зачем было его за этого бедняка отдавать?

— Это дело твоего брата и его супруга, — отрезала госпожа Юй. — У них своя голова на плечах, и поболее твоей соображает.

Эр-е предпочел промолчать, а сыновья, не желая вступать в спор родителей, лишь усерднее заработали палочками.

После обеда Юй Чжэн собрался в поместье Чжэн. Его супруг, Гэ'эр Цуй, принялся заботливо поправлять ему воротник.

— Я пойду с тобой, — заявил он. — Любопытно взглянуть на этого мужа, которого Ланьи выбрал.

— Вы же с ним вечно как кошка с собакой, — возразил Юй Чжэн. — Опять ссору затеете.

— А я-то тут при чем? — возмутился Цуй. — Это Ланьи вечно говорит, что я притворяюсь. Да, на людях я держу лицо, но перед тобой-то я настоящий!

Клан Цуй из Цинхэ слыл образцом благородства. Гэ'эр Цуй был воспитан по всем правилам, кроток и мил, но лишь близкие знали его истинный, не самый простой нрав.

Юй Юй тоже переоделся к выходу. Гэ'эр Вэй поинтересовался:

— Мне пойти с тобой?

— Лучше побудь с матушкой, — ответил тот. — Если родители опять заспорят, хоть разнимешь их.

Но не успели братья выйти за порог, как прислужник доложил: начальник уезда прибыл с визитом.

Это избавляло их от лишних хлопот.

Юй Эр-е заметно расслабился. По закону приличия младшие должны были первыми засвидетельствовать почтение, хотя он и сомневался, знает ли Чжэн Шаньцы об их прибытии. Всё-таки, будучи главой уезда, тот должен был держать руку на пульсе.

И впрямь: как только генерал ступил на порог станции, верный почтовый распорядитель тут же послал весть в ямэнь. С такими важными чинами шутки плохи — любая заминка могла стоить начальнику станции места.

— Пусть заходят, на дворе не май месяц, — велел Эр-е.

Под присмотром гвардейцев Шаньцы и Ланьи вошли в комнату. Увидев в кресле властного мужчину, чиновник почтительно поклонился.

— Приветствую вас, дядя.

Второй господин Юй вскинул бровь. Ланьи при виде дяди тут же принялся строить рожицы, и генерал, не выдержав, невольно улыбнулся. Ну что за несносный ребенок! Муж его — образец учтивости, а этот сорванец и тут умудряется дурачиться.

— Мы теперь одна семья, к чему лишние церемонии? — Эр-е жестом пригласил Шаньцы сесть. — Я получил письмо от брата и узнал о вашей свадьбе. Здешние края суровы, ветры да пески. Берегите здоровье.

Шаньцы поблагодарил дядю за заботу. Юй Эр-е, глядя на спокойного, уверенного в себе юношу, невольно одобрительно кивнул. Похоже, он ошибался: Чжэн Шаньцы не казался обычным провинциальным выскочкой. В его взгляде читалась сила и стремление идти вверх. А для молодого человека это — самое ценное.

Да и Ланьи, судя по всему, был вполне доволен жизнью. Раз у них всё ладно, к чему ему, дяде, портить им праздник? В семье Юй всегда ценили прямоту и свободу.

— Я еду в столицу по указу. Ланьи, если хочешь, поедem с нами. После праздников вернешься, — предложил Эр-е.

Шаньцы невольно затаил дыхание. В этот миг он понял, как сильно хочет, чтобы Ланьи остался. Это их первый Новый год. Его первый Новый год в этом мире.

Он посмотрел на Ланьи. Тот заметил напряжение мужа — Шаньцы опустил взгляд, задумчиво поглаживая край чашки. Ланьи улыбнулся:

— Не поеду я в этом году. Пока сюда добирались — два месяца в пути провели. Если сейчас назад ехать, да еще с вами — вы ведь скакать будете во весь опор, — я просто не выдержу. В следующем году навещу всех.

— Раз так решил — неволить не стану, — вздохнул генерал. — Мы здесь день пробудем, припасы пополним, а завтра на рассвете тронемся. Если хочешь что родителям передать — говори, всё доставлю.

Ланьи кивнул. На душе у Шаньцы стало легко.

Госпожа Юй, заметив, как остепенился племянник, с улыбкой достала подарок:

— На свадьбе нас не было, так прими сейчас. Это парные нефритовые подвески с уточками-мандаринками. Их можно носить вместе как одну, а можно разделить и пристегнуть к поясам. Будьте счастливы.

Ланьи принял ларец и просиял:

— Спасибо, тетюшка! Вы такая добрая, куда добрее дяди.

Госпожа Юй рассмеялась:

— Ах ты, льстец! Смотри, я ведь и поверить могу.

Шаньцы и Ланьи тоже пришли не с пустыми руками.

— Дядя, раз уж вы в Синьфэне, загляните к нам в поместье, — пригласил Шаньцы.

— Не стоит, — отмахнулся Эр-е. — Лишние хлопоты вам.

— Тогда позвольте пригласить вас на ужин в «Павильон тысячи вкусов» или в наш трактир. Мы сочтем за честь встретить вас как подобает, — предложил Шаньцы.

Ланьи тут же подхватил:

— В трактире семьи Чжэн кормят на убой! Дядя, пойдете к нам!

Генерал, поддавшись на уговоры племянника, согласился.

Юй Чжэн и Юй Юй тоже подошли поприветствовать брата. Ланьши с достоинством назвал их старшими братьями. Шаньцы последовал его примеру и обратился к ним так же.

Отпрыски воинского рода, братья были статны и крепки. Как и все в роду Юй, они отличались редкой красотой, а их сильные руки и тяжелые мечи на поясах внушали невольное уважение.

— Ланьши, так это и есть господин Чжэн? — поинтересовался подошедший Гэ'эр Цуй.

Он-то думал увидеть охотника за приданым, каких немало, но Шаньцы оказался человеком достойным, а довольный вид Ланьши говорил сам за себя.

— Здравствуй, невестка Цуй, — вежливо отозвался Ланьши.

Тот даже вздрогнул. Неужто Ланьши и впрямь изменился? Раньше любое их слово заканчивалось тем, что оба лишь глаза закатывали.

Шаньцы тоже поприветствовал родственника.

— Не будем вас задерживать, — проговорил Юй Чжэн. — Вечером за столом наговоримся.

Вечерний ужин прошел в теплой обстановке. Гости не скупилась на похвалы кухне Чжэнов. Второй господин Юй довольно заметил:

— Будет время — загляну к вам еще.

Шаньцы познакомился и со второй невесткой — Гэ'эр Вэй оказался человеком на редкость мягким и приятным.

Проводив родных до станции, супруги вернулись домой. Ланьши, покрасневший от плодового вина, немного захмелел, и Шаньцы пришлось заботливо вести его под руку. Дома, после купания, муж уложил сонного супруга в постель, а сам, прежде чем лечь, нежно поцеловал его в лоб.

На следующее утро, как только воины Эр-е закупили провизию, отряд приготовился к выступлению. Перед отъездом Ланьши передал дяде небольшой ларец.

— Дядя, передайте это моему папе, прошу вас.

— Не беспокойся, всё исполню. Еще что-нибудь?

Ланьи покачал головой.

— Ну, в добрый путь. Возвращайтесь в дом, на улице стужа, — наказал Эр-е.

Братья Юй, привычные к пограничным холодам, лихо вскочили в седла. Отряд сорвался с места и вскоре превратился в едва заметную точку на горизонте.

— Ланьи, пойдем в дом, — негромко сказал Шаньцы.

Юноша проводив взглядом дядю, и на душе у него стало немного грустно.

— Шаньцы... как быстро они уехали, — прошептал он.

Муж мягко похлопал его по плечу:

— Весной снова увидимся. А со временем переберемся в столицу, и будешь видеть родных когда пожелаешь.

Шаньцы еще тверже решил для себя: он добьется успехов на службе, чтобы увезти семью из этого глухого уезда ближе к дому.

На поясах у обоих теперь покачивались парные нефритовые подвески — подарок пришелся как нельзя кстати. Ланьи еще немного погрустил, а потом пошел в комнату поболтать с Цзинь Юнем.

Слуга знал, что родня Юй всегда любила Ланьи, хоть и виделись они редко. Подарки на каждый день рождения приходили без задержек. Ланьи, замявшись, велел остальным слугам выйти, и, оставшись наедине с Цзинь Юнем, признался:

— Знаешь, раньше я вечно ссорился с невесткой Цуем. А теперь... я его понимаю.

Цзинь Юнь припомнил, что Цуй-ге'эр славился своим благонравием, и Ланьи, чье имя гремело совсем в ином свете, всегда соперничал с ним.

— Я тут подумал: он ведь такой изнеженный, а не побоялся за мужем на самую границу поехать. Это дорогого стоит. Я сам только в Синьфэне понял, как это непросто. Он ведь из знатного дома, мечом махать не обучен, здоровьем слаб, а на границе куда хуже, чем здесь. Видать, и впрямь брата моего крепко любит. Больше не буду с ним задиаться.

На лице Цзинь Юня расцвела довольная улыбка.

С отъездом дяди шаги Нового года стали слышны совсем отчетливо. Тань Хэ, исполняя поручение, вместе с мастерами из инженерной канцелярии достроил ткацкую мастерскую.

Шаньцы позвал брата:

— Цинъинь, не хочешь ли ты взять на себя управление мастерской?

Юноша вздрогнул. Посмотрев в глаза брату, он смущенно опустил голову:

— Но я ведь только вышивать умею... Куда мне людьми управлять?

— Не бойся. Я найду толкового помощника, будешь у него учиться. Если он станет лениться или вздумает тебя обижать — сразу мне говори. Хотя люди там всё больше надежные, вряд ли посмеют. А вышивку не бросай, шей в свободное время. Наберешься опыта — и свой магазин откроешь, хозяином станешь. Как тебе такая затея?

У Цинъиня сердце забилося чаще. Он вспомнил лавочницу в деревне Цинсян — как та важно и спокойно принимала заказы.

«Неужели и я так смогу?»

— Брат, я боюсь, что не справлюсь...

Именно «справлюсь», а не «не посмею». Шаньцы ободряюще коснулся его плеча:

— Ничего не бойся. Я всегда за твоей спиной. Если что пойдет не так — я всё улажу.

Слова начальника уезда звучали веско. Кому, как не главе Синьфэня, присмотреть за маленькой мастерской? К тому же Цинъинь — не какой-нибудь беспутный повеса, он будет учиться делу прилежно.

— Хорошо, брат. Я попробую, — решился наконец юноша. Ему хотелось измениться, стать сильнее, чтобы никакие беды прошлого больше не имели над ним власти.

С тех пор как они покинули деревню, Цинъинь лишь изредка тосковал по отцу и папе, зато здесь он впервые за долгое время стал спать спокойно.

Когда Шаньцы уже собрался уходить, Цинъинь придержал его за рукав:

— Брат, вот... я вышил хэбао для тебя.

Шаньцы взглянул на подарок: на ткани были искусно вышиты «облака удачи».

«Правду говорят, младший брат — как теплый жилет в мороз»

Сердце Шаньцы наполнилось нежностью, и он тут же пристроил мешочек на поясе.

— Спасибо, младший брат. Мне очень нравится.

Когда муж ушел, Цинъинь еще долго не мог успокоиться. Он рухнул на кровать, накрыв лицо одеялом. Дыхание перехватило.

«Быть хозяином лавки... о таком я прежде и мечтать не смел»

Для Чжэн Шаньчэна и Гэ'эр Линя тоже нашлось дело — они стали помогать в трактире семье Чжэн. Ноги Шанчэна еще требовали бережного отношения, а Линь не хотел оставлять мужа. Работа была несложной: Линь следил, чтобы продукты на кухне были свежими и в срок, а Шанчэн присматривал за порядком в зале.

— Слишком уж просто, — сокрушался старший брат. — Словно я и впрямь какой важный управляющий.

— Так управляющие так и живут, — смеялся Линь. — Сидят в тепле, да еще и жалованье получают.

Оба были вполне довольны своей участью. К тому же все в трактире знали, что это родные люди начальника уезда, и никто не смел перечить им.

В ткацкую мастерскую набрали первых работниц — ими стали вдовы павших воинов. Всего в просторных залах разместилось около сотни женщин и гэ'эр. Казны ямэня хватало на первое жалованье, а к следующему месяцу торговые лавки уже должны были принести первую прибыль.

Тань Хэ оказался человеком молчаливым и исполнительным. Шаньцы был им весьма доволен.

По закону на Новый год чиновникам полагалось семь дней отдыха, хотя на некоторых постах

всё же оставались дежурные.

Податная канцелярия выдала всем положенное: соль, рис, масло, а также жалованье за праздничные дни. Все знали, что в этом году ямэнь открыл три новых дела и казна пополнилась, так что работники с нетерпением ждали праздничных выплат.

Шаньцы не стал разочаровывать людей.

— В этом году я впервые вступил в должность, и хочу поблагодарить всех за службу, — объявил он. — Мастерские принесли доход, поэтому каждый получит по лишнему серебряному ляну к празднику. Кроме того, каждому полагается комплект теплой одежды из нашей мастерской — идите и подберите свой размер. И еще — по три банки острого соуса и по две банки масла в каждый дом!

В ямэне раздались радостные возгласы.

— Вот это да!

— Славный будет праздник! Жена моя в мастерской работает, теперь мы оба в дом деньги приносим.

— Господин Чжэн — лучший из начальников!

Судебный пристав Чжу тоже не сдержал улыбки.

Раздать по ляну серебра такому количеству людей — дело непростое. Но Шаньцы знал: мастерские и впрямь приносят прибыль, а купцы Синьфэня уже делают заказы на весну, чтобы везти соусы в другие уезды. Маслобойня тоже процветала — кунжутное и арахисовое масло здешней выработки славилось чистотой, и горожане охотно его покупали.

Вату для одежды закупали у местных крестьян, так что и цена была честной, и люди в тепле.

Помощник Ци лишь криво усмехнулся. Он считал это пустой тратой денег — будь он на месте Чжэна, он бы нашел серебру лучшее применение. Да только не он был здесь хозяином.

Довольные стражники расходились по домам. С деньгами на руках праздничные хлопоты были только в радость.

Шаньцы помнил: на его прежней работе премии к праздникам всегда выдавали заранее — видать, для того, чтобы люди успели их с удовольствием потратить.

«Зелень кедра и алость перца — всё обновлено, за оградой тени фонарей встречают Новый год». [1]

Чжэн Шаньцы вышел из ямэня. Улицы уезда Синьфэн кипели жизнью, повсюду сновали люди, готовясь к главной ночи года.

<http://bllate.org/book/15809/1436878>